

УДК 159.922.8:616

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-396-408

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ
ПОДРОСТКОВОЙ ВЕРСИИ ОПРОСНИКА
«ПРИЧИНЫ ДЛЯ ЖИЗНИ» А. ОСМАНА И М. ЛИНИХЭН**

Волочков Андрей Александрович, Левченко Дарья Викторовна

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

В условиях обострения ситуации с детскими и подростковыми суицидами российским педагогам-психологам остро не хватает современных инструментов диагностики суицидального риска. Например, таких, как хорошо известный за рубежом опросник А. Османа и М. Линихэн «Причины для жизни» для подростков (The Reasons for Living Inventory for Adolescents (RFL-A)).

В статье представлены различные версии опросника «Причины для жизни», рассмотрены его особенности, результаты адаптации в России, а также проведен сравнительный анализ полученных на основе опросника данных психометрических исследований подросткового варианта в России и США. Предлагается текст русскоязычного варианта опросника и примеры психометрических характеристик, полученных на выборке 143 подростков Пермского края.

Предварительный этап русскоязычной адаптации подросткового опросника А. Османа, М. Линихэн «Причины для жизни» показал высокую устойчивость его факторно-аналитической структуры к национальным особенностям отношения к суициду, особенностям социально-экономического развития, по отношению к фактору времени (1998 и 2017 гг.), а также по отношению к фактору процедуры обследования (карандаш-бумага и онлайн-тестирование). При этом уже на предварительном этапе выяснено, что российская адаптация по структуре полностью соответствует американскому оригиналу. Наибольшей согласованностью и значением в факторной структуре опросника отличается шкала «Семейный союз». В России этот фактор по значимости, в отличие от американской выборки, абсолютно лидирует. В русскоязычной выборке наиболее достоверной и соответствующей американским результатам оказалась процедура онлайн-тестирования респондентов, проведенного в социальных сетях.

Надежность по внутренней согласованности шкал российской адаптации подросткового опросника «Причины для жизни» значительно превышает пороговые значения и в основном также соответствует американским психометрическим исследованиям.

В целом уже на предварительном этапе русскоязычной адаптации опросника получены психометрические характеристики, достаточные для его использования не только в научных исследованиях, но и в скрининговых обследованиях суицидального риска.

Ключевые слова: суицид, диагностика, подросток.

**PRELIMINARY ADAPTATION OF THE OSMAN-LINEHAN
«REASONS FOR LIVING» INVENTORY (ADOLESCENT VERSION)**

Andrey A. Volochkov, Darya V. Levchenko

Perm State Humanitarian Pedagogical University

Given the deteriorating situation with suicides among children and teenagers Russian teachers and psychologists are in need of modern tools for assessing suicidal risk. One of such tools which is well-known abroad is the Reasons for Living Inventory for Adolescents (RFL-A) by A.Osman and M.Linehan.

The paper presents various versions of the Reasons for Living inventory, results of its adaptation and a comparative analysis of findings from psychometric research in Russia and the USA. The text and the psy-

chometric properties of the Russian adaptation of the inventory are included. The sample for the psychometric study was 143 teenagers from Perm Krai.

Preliminary adaptation of the adolescent version of the Reasons for Living Inventory by A.Osman and M.Linehan has demonstrated that the factor-analytic structure of the inventory is stable across national mentalities regarding suicide, peculiarities of social and economic development, time periods (1998 and 2017) and mode of administration (paper-and-pencil vs online). Even at the preliminary stage of adaptation the Russian version has the same factor structure as the American original. The highest internal consistency and the highest factor weight was shown by the scale «Family Union». Unlike with the U.S. sample, this factor is the leading one in terms of its significance. In the Russian sample online testing in social networks appeared to be the most credible and most closely resembled the findings from the American study.

Internal consistency of scales in the Russian adaptation of RFL-A exceeds the necessary thresholds and on the whole corresponds to data from the American study.

Thus, even the preliminary stage of Russian adaptation of RFL-A by A.Osman and M.Linehan yielded psychometric characteristics that are sufficient both for scientific use and screening of suicidal risk.

Keywords: suicide, assessment, teenager.

Введение

В современной психологии интерес многих авторов обращен к вопросам, касающимся психического и психологического здоровья, благополучия и здоровья личности. Одним из объективных критериев психического здоровья населения является показатель его суицидальной активности. Ави- тальная активность, число суицидальных попыток и завершенных суицидов в мире нарастают. По данным ВОЗ, ежегодно около 800 000 человек лишают себя жизни, а значительно большее число людей совершают попытки самоубийства. Самоубийства происходят не только в странах с высоким уровнем дохода, этот глобальный феномен характерен для всех регионов мира. Более 78 % самоубийств в мире произошли в 2015 г. в странах с низким и средним уровнем дохода. Стремительно растет количество детско-юношеских суицидов. В 2015 г. самоубийства вышли на второе место среди причин смерти молодых людей 15–29 лет [1]. Суицид стремительно молодеет, косвенным свидетельством этого являются статьи о суицидальном поведении детей до 12-летнего возраста [2–4].

Российская Федерация по числу суицидов на 100 000 населения находится среди мировых лидеров. Пермский край с 2016 г. занимает по этому параметру 4-е место, несмотря на некоторое снижение за период с 2000 г. (60,7 на 100 тысяч в 2001 г. и 33,6 в 2015–2016 гг.) [5]. К сожалению, Россия лидирует и по подростковым суицидам (6-е место в 2015 г.): средний показатель самоубийств подростков РФ в два-три раза превышает среднемировой. По официальным данным подростковые суициды составляли 19,8 случаев на 100 тысяч человек в 2005 г.; 19,3 — в 2006 г.; 20,1 — в 2007 г.; 19,4 — в 2008 г.; 19,8 — в 2009 г. В последние пять лет показатели смертно-

сти по причине подростковых суицидов несколько стабилизировались [6, с. 138]. Однако в 2016 г. в стране произошел скачок подросткового интереса к суицидальной активности, в том числе к участию в манипулятивных интернет-сообществах («Синий кит» и др.). Это вызвало резкую и тревожную реакцию общественности, родителей, педагогов и профессионалов психолого-педагогического сопровождения развития детей и юношества.

Суицидальная статистика Пермского края, в котором было проведено предлагаемое исследование, также тревожная. На фоне временного «затишья» к 2015–2016 г. осенне-зимний всплеск суицидальной активности подростков по г. Перми и Пермскому краю, спровоцированный группами смерти в социальных сетях, оказался неожиданным и вызвал панические настроения.

«Кризис 2016-го» обнажил многочисленные проблемы профилактики детского, подросткового и юношеского суицидального поведения. Среди них — острая проблема в связи с отсутствием компактного, валидного и надежного психодиагностического инструментария, позволяющего проводить массовые скрининговые обследования суицидальных рисков у школьников и студентов. Появившиеся за последние 5 лет обзоры соответствующего инструментария, с одной стороны, предлагают наиболее актуальные списки методик, а с другой — неизменно фиксируют наличие этой проблемы. Отсутствует концепция суицидального поведения подростков, не хватает качественных оригинальных отечественных методик выявления суицидального поведения [7–9]. Школьные психологи испытывают недостаток надежных, апробированных и валидизированных методов диагностики суицидальных намерений. Им приходится пользоваться явно устаревшими опросниками, не прошедшими необходимых процедур стандартиза-

ции, или методиками, не имеющими достаточного теоретического обоснования [7, 8, 10].

Помимо национальных особенностей диагностики суицидального риска существуют и общие ее проблемы. Среди них — проблема использования «прямых» и косвенных по отношению к суицидальной тематике формулировок пунктов (вопросов) соответствующего инструментария. Прямые формулировки открывают респонденту суицидальную тематику опросника. Например, «Возникали ли у Вас мысли о самоубийстве?»; «У многих людей в тяжелые периоды жизни возникают мысли о том, чтобы убить себя. У Вас когда-нибудь возникали такие мысли?». С одной стороны, такие формулировки могут актуализировать у респондента возможность целенаправленного либо неосознанного искажения информации о своем состоянии, социальную желательность и ряд защитных реакций. С другой стороны, прямые формулировки зачастую, особенно в ситуации скрининга, оказываются эффективнее косвенных [4, 11, 12]. Есть еще одна проблема «прямых» формулировок — этическая. Следует ли вообще обсуждать с детьми и подростками вопросы жизни и смерти? Насколько такие беседы (или такие пункты опросников) способны спровоцировать суицидальные переживания и соответствующее поведение? Эта проблема активно обсуждалась в зарубежной суицидологии [2, 4]. Однако лица с депрессивными расстройствами не живут в условиях информационного вакуума: в средствах массовой информации, литературе, интернет-ресурсах и в социальных сетях суицидальная тематика широко представлена. При наличии у человека состояния, предрасполагающего к появлению суицидальных мыслей, не следует избегать прямых обсуждений и вопросов, в том числе диагностических. И особенно важны такие беседы и обследования для подростков и юношей [13–16]. Вместе с тем не следует забывать о деликатности обсуждения суицидальной тематики и конструировании соответствующего диагностического инструментария. Прямые формулировки таких опросников должны актуализировать жизненный потенциал, резервы преодоления трудных жизненных ситуаций, позитивные копинг-стратегии и наличные витальные ресурсы респондента. То есть содержательный характер такого опросника должен иметь прямой витальный акцент, а совокупность его пунктов должна вызывать позитивный жизнеутверждающий резонанс в ситуации «быть или не быть». На наш взгляд, удачным примером такого личностного опросника является опросник «Причины для жизни» (Reasons for

Living Inventory, RFL) Августина Османа и Марши Линихэн [11, 12]. Как видим, уже само название опросника активизирует антисуицидальные защитные реакции и убеждения.

Косвенная диагностика суицидального риска по понятным причинам преобладает. В этом случае диагностируются коррелирующие с суицидальными переживаниями состояния, прежде всего депрессивные. Наиболее популярными опросниками такого рода в России являются «Шкала безнадежности» (Hopelessness Scale) Александра Бека и «Опросник суицидального риска» А.Г. Шмелева в модификации Т.Н. Разуваевой. Вместе с тем исследователи подчеркивают, что в используемом инструментарии преобладают незавершенные русскоязычные адаптации устаревших версий американских опросников, а редкие оригинальные российские разработки нуждаются в психометрической проверке [7, 8, 17].

Перспективным направлением косвенной диагностики суицидальных рисков является разработка приборных, психофизиологических методик. Примером такого объективного теста является методика «Сигнал», предназначенная для экспресс-оценки суицидального риска. Тест ориентирован на фиксацию объективных психофизиологических показателей, коррелирующих с суицидальными переживаниями, без опоры на экспертные суждения или личностные самооценки. Он сконструирован таким образом, что для испытуемого остается скрытым, какие стороны его поведения и переживаний подвергаются изучению. Все это повышает достоверность диагностического обследования суицидальных рисков [18, 19].

В целом же при обострении ситуации с детскими и подростковыми суицидами педагогам-психологам остро недостает современных, надежных и валидных инструментов диагностики суицидальных намерений.

Наиболее острой является проблема отсутствия «полевого» инструментария, позволяющего быстро и эффективно проводить скрининговые обследования на выявление группы риска [10]. Хорошо зарекомендовавшим себя в этом отношении инструментом стал опросник А. Османа и М. Линихэн «Причины для жизни» для подростков (The Reasons for Living Inventory for Adolescents (RFL–A)) [4, 12].

Личностный опросник «Причины для жизни»: история и версии

Исходная версия опросника «Причины для жизни» была разработана и опубликована Маршей Линихэн в 1983 г. [20]. Исходным положением

для разработки этого оригинального инструмента является предположение автора о том, что оценка суицидального риска может проводиться на основе анализа значимости для обследуемого антисуицидальных мотивов, таких как долг перед близкими, моральные, религиозные убеждения и т.д. Опросник является одним из немногих самооценочных инструментов, эффективно диагностирующих антисуицидальные ресурсы и потенциал защитных факторов у лиц с суицидальными намерениями. Полная исходная версия опросника состоит из 48 пунктов, входящих в шесть шкал, соответствующих (в авторской терминологии) адаптивным категориям жизни: жизнестойкость и копинг (24 пункта), ответственность перед семьей (7 пунктов), моральное осуждение (4 пункта), страх самоубийства (7 пунктов), страх социального неодобрения (3 пункта) и беспокойство о детях (3 пункта). Респонденты при обсуждении суицида в соответствии с инструкцией оценивали важность каждого пункта жизни по шестибалльной шкале (1 — совсем не важно, 6 — очень важно). Более высокие баллы свидетельствуют о позитивных причинах для жизни и негативном отношении к суициду. Серия исследований показала, что шкалы опросника обнаруживают отрицательные корреляционные связи с выраженностью суицидальных намерений и позволяют с достаточной степенью надежности прогнозировать вероятность осуществления суицидального акта [12, 20].

Российская адаптация опросника «Причины для жизни» проводилась в СПбГУ (кафедра медицинской психологии и психофизиологии) на выборке здоровых испытуемых без суицидальных тенденций и лиц, госпитализированных в психиатрические больницы в связи с попытками суицида. В российском варианте опросник известен как «Опросник антисуицидальных мотивов» Н.И. Косенковой [18, 19, 21]. Методика входит в программный комплекс экспресс-оценки риска суицидального поведения «Сигнал» и распространяется фирмой «Иматон». Вместе с тем выборка стандартизации «Опросника антисуицидальных мотивов» в 50 человек от 20 до 83 лет (средний возраст 30 лет) совершенно недостаточна для получения удовлетворительных психометрических характеристик [21].

Опросник «Причины для жизни» М. Линихэн исходно разрабатывался для взрослых и прошел психометрическую проверку на соответствующих возрастных группах. Вместе с тем нарастала потребность в разработке подростковой версии

опросника. В дальнейшем под руководством А. Османа опросник был существенно переработан. Из 48 пунктов исходного варианта опросника М. Линихэн были сохранены 15 пунктов, которые являлись стимулами для размышлений школьников и студентов (возраст от 14 до 19 лет) о ресурсах выбора варианта «жизнь» в возможной предсуицидальной ситуации. При этом половина из выборки имели опыт суицидальных попыток. Те же 15 пунктов являлись стимулом для перечисления экспертами (детскими клиническими психологами) причин, по которым подростки отказываются от суицида. Такой подход привел к обширной (311 пунктов!) базе новой версии опросника «Причины жить». Контент-анализ позволил сократить эту базу до 97 пунктов, из которых затем были исключены еще 17. Начальная версия нового опросника была предложена 1400 подросткам 14–18 лет из трех средних школ. Среди участников были «неклинические» и «клинические» (явные суицидальные намерения или попытки) подростки. Родители подростков предварительно дали разрешение на их участие в исследовании. Сами подростки и студенты дали информированное согласие на процедуру сбора данных. Участие было добровольным, и все анонимно заполняли пункты небольшими группами по 10–15 участников непосредственно в образовательных учреждениях. Психометрический анализ позволил выделить 32 наиболее работоспособных пункта, образующих надежную структуру пяти относительно автономных диагностических шкал, соответствующих исходной версии опросника [12]. Столь масштабная переработка опросника, безусловно, является основанием для его переименования в опросник «Причины для жизни» А. Османа и М. Линихэн.

В данной статье представлены предварительные итоги использования русскоязычной адаптации этого опросника.

Перевод текста опросника «Причины для жизни» на русский язык

Симметричный перевод оригинального текста опросника был сделан носителями двух языков, получающими либо уже имеющими высшее филологическое или психологическое образование. Проверка качества перевода текста была выполнена Н.В. Бабенко — специалистом-переводчиком научных текстов.

В ходе проверки выявились некоторые ошибки перевода отдельных пунктов опросника (которые впоследствии были устранены), а именно:

1. Низкая степень детализации описания: соотношение имплицитности (то, что подразумевается) и эксплицитности (то, что четко выражено словами).

2. Отсутствие структурно-грамматической близости оригинала и перевода по ряду пунктов.

3. Несовпадение лексического состава по отдельным пунктам.

Далее была проведена повторная проверка эквивалентности перевода оригиналу. Конкретной процедурой такой проверки является обратный перевод опросника с русского языка (после устранения ошибок) на язык оригинала.

Затем были разработаны тестовые тетради для заполнения респондентами непосредственно в образовательных учреждениях, а также онлайн-форма опросника для проведения онлайн-тестирования.

Итоговый текст опросника представлен в Приложении.

Участники исследования

Исследование проводилось весной 2017 г. на выборке 201 подростка Поволжского региона (преимущественно Пермский край). Участие подростков в обследовании было добровольным. Запрашивалось официальное разрешение родителей на проведение опроса. 14 родителей отказались от обследования. Среди причин отказа — неустойчивость психики ребенка, семейное «табу» на обсуждение суицидальной тематики, опасение «раскачать лодку» суицидальных переживаний. 49 подростков не заполнили пункты шкалы SRC: «Страх суицида» (Suicide-Related Concerns), поэтому их данные были исключены из дальнейшего анализа. После проверки данных оставшихся 152 респондентов на многомерные выбросы (дистанция по Махаланобису) в выборке осталось 143 участника, среди них 40 юношей и 103 девушки. В целом наблюдение показало, что в режиме заполнения бланков непосредственно в школе отношение к нему девочек значительно более серьезное. Именно по этой причине часть «мужских бланков» была отбракована, что сказалось на половой структуре общей выборки. В онлайн-обследовании резких половых различий в ходе процедуры обследования не наблюдалось.

Возрастные характеристики российских участников соответствует американской выборке 1998 г.

[12, с. 1066] от 14 до 18 лет ($M = 16,23$, $SD = 1,21$). Имеются и различия: 1) американская выборка значительно больше (350 участников, отобранных через процедуру рандомизации из общей выборки более 1000 подростков) и более уравновешена по полу; 2) в российской выборке на данном этапе адаптации опросника отсутствует «клиническая часть», т.е. уже имеющие опыт суицидального поведения подростки. Кроме того, в отличие от американского исследования, где все респонденты непосредственно в школах и колледжах заполняли бланки опросника, в российской выборке в режиме «карандаш-бумага» были опрошены 54 участника (35,5 % общей выборки), а остальные 98 участников прошли онлайн-тестирование с использованием автоматизированной системы Google Forms и ресурсов социальных сетей.

Анализ данных и алгоритм психометрической проверки

Алгоритм и результаты психометрической проверки русскоязычной адаптации 32-пунктовой версии RFL-A, подросткового опросника «Причины для жизни» А. Османа и М. Линихэн являются основой и ориентиром для нашей русскоязычной адаптации. В этом алгоритме использованы эксплораторный факторный анализ корреляционных матриц пунктов опросника, расчет индексов надежности шкал по внутренней согласованности, а также индексов описательной статистики. В статье приводится сравнительный анализ результатов российского и американского психометрических исследований опросника [12].

Анализ данных проведен с использованием статистических пакетов Statistica 10 корпорации StatSoft и SPSS 22 корпорации IBM Statistics.

Структурная валидность русскоязычной версии, как и в оригинальном американском варианте, определялась в ходе эксплораторного факторного анализа по методу максимального правдоподобия с последующим varimax-вращением факторов.

Надежность по внутренней согласованности определялась с помощью коэффициентов Альфа Л. Кронбаха, коэффициентов корреляции двух половин шкал опросника (Split half reliability), а также усредненного коэффициента корреляции пунктов шкал (Average Inter-Item Correlation).

Для выявления особенностей распределения диагностических шкал и медианных норм использовались процедуры дескриптивной статистики.

Результаты и обсуждение

1. Структурная валидность подросткового опросника «Причины для жизни» (США 1998 г. – Россия 2017 г.)

Итоги эксплораторного анализа факторных структур корреляционных связей 32 пунктов опросника приведены в табл. 1. Очевидно значительное совпадение факторных структур американского опросника RFL-A и его русскоязычной адаптации. В обоих случаях выявилось пять значимых однополярных факторов, образующих сопоставимые диагностические шкалы.

1. Фактор **«Оптимизм восприятия будущего»** (Future Optimism) — образован 7 пунктами. В американской публикации этот фактор наиболее значим, в российской адаптации — на 2-м месте (объясняет 16 % доли дисперсии всех 32 пунктов опросника).

2. Фактор **«Страх совершения суицида»** (Suicide-Related Concerns) — образован 6 пунктами. В американской публикации этот фактор по значимости на 2-м, в российской адаптации — на 3-м месте (объясняет 12 % доли дисперсии пунктов).

3. Фактор **«Семейный союз»** (Family Alliance) — образован 7 пунктами. В американской публикации этот фактор по значимости на 3-м, в российской адаптации — на 1-м месте (объясняет 17 % доли дисперсии пунктов). Возможно, это свидетельствует о большей значимости семейных

связей и большей результативности семейных копинг-стратегий россиян, по сравнению с американцами.

4. Фактор **«Принятие и поддержка со стороны друзей»** (Peer Acceptance and Support) — образован 6 пунктами. Как в США, так и в России этот фактор по значимости занял 4-е место (объясняет 14 % доли дисперсии пунктов русской версии).

5. Фактор **«Самопринятие»** (Self-Acceptance) — образован 6 пунктами. Американский и русский факторы практически идентичны по составу и значимости нагрузок и занимают 4-е место по величине собственных чисел (объясняет 12 % доли дисперсии пунктов русской версии). Исключение составляет пункт 29: «Я чувствую хорошее в себе» (оригинальный текст «I feel good»). Этот пункт в русской выборке одинаково нагружает два фактора, нарушая их ортогональность. Возможно, данный пункт следует переформулировать.

По суммарной доле дисперсии пунктов, объяснимой факторами, американский и российский варианты также сходны: 64,5 % в оригинале и 71,2 % в российской адаптации. В целом структура русскоязычной адаптации подросткового опросника «Причины для жизни» соответствует американским исследованиям, что свидетельствует о высокой структурной валидности адаптации. Это подтверждается и сходной картиной корреляций пяти факторов.

Таблица 1. Факторные структуры опросника RFL-A в американской и русской выборках (эксплораторный факторный анализ по методу максимального правдоподобия, после varimax-вращения)

Пункты по шкалам RFL-A	США, 1998 г. (n = 350)					РФ, 2017 г. (n = 143)				
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
Оптимизм относительно будущего (Future Optimism (FO))										
13. Я надеюсь, что в будущем со мной случится много хорошего	.77	-.01	.01	-.06	.07	0,09	0,72	0,09	0,17	0,25
19. Я надеюсь, что в будущем буду успешным	.76	.08	-.02	.08	-.05	0,14	0,77	0,09	0,12	0,14
15. У меня есть планы и цели на будущее	.73	-.02	.08	-.03	.06	0,16	0,85	0,12	0,19	0,13
28. У меня много планов, которые я хочу осуществить в будущем	.72	.05	.05	.09	-.06	0,18	0,82	0,12	0,16	0,14
25. Мое будущее выглядит обнадеживающим и перспективным	.68	-.01	.02	.09	.09	0,29	0,61	0,16	0,18	0,29
11. Я хотел бы реализовать свои планы и цели на будущее	.61	.00	.11	.03	-.03	0,07	0,80	0,05	0,14	0,01
4. У меня есть много того, на что я надеюсь, когда вырасту	.57	.06	.01	.09	.13	0,15	0,63	0,03	0,05	0,11
Страх суицида (Suicide-Related Concerns (SRC))										
20. Мысль о самоубийстве пугает меня	-.04	.92	0,00	.05	-.03	0,06	0,09	0,81	0,14	0,11
26. Я боюсь убить себя	.03	.86	-.05	-.02	-.04	0,01	0,14	0,78	0,10	0,03

Окончание табл. 1

Пункты по шкалам RFL-A	США, 1998 г. (n = 350)					РФ, 2017 г. (n = 143)				
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
32. Я бы испугался или побоялся строить планы самоубийства	.02	.83	.06	.02	.00	0,04	-0,06	0,71	0,18	0,30
21. Любой способ самоубийства вызывает у меня неприятие.	.01	.80	.03	.04	-.01	-0,02	0,21	0,72	0,01	-0,04
8. Я боюсь смерти, поэтому не думаю о самоубийстве	-.09	.73	.15	.06	.01	0,16	0,00	0,85	-0,01	0,03
2. Это было бы страшно и болезненно — совершить самоубийство	.10	.71	-.07	-.07	.11	0,17	0,11	0,64	0,01	0,14
Семейный союз (Family Alliance (FA))										
24. Моя семья беспокоится о моих чувствах	-.05	-.02	.84	.04	.06	0,85	0,15	0,07	0,18	0,15
30. Мою семью сильно заботит то, что со мной происходит	.04	.07	.78	-.05	-.05	0,82	0,13	0,16	0,22	0,21
17. Мне нравится быть с моей семьей	0,00	.03	.76	.04	.00	0,81	0,25	0,04	0,18	0,11
1. При возникших у меня проблемах я всегда могу обратиться к семье за поддержкой или советом	.03	.01	.70	.11	.07	0,80	0,06	0,14	0,19	0,23
12. Моя семья находит время, чтобы выслушать мои впечатления о школе, работе или доме	.13	.02	.70	-.14	.04	0,81	0,09	0,02	0,26	0,18
7. Я чувствую себя эмоционально близким к своей семье	.03	.06	.69	.06	.07	0,84	0,23	0,03	0,14	0,13
23. Чаще всего моя семья поощряет и поддерживает мои планы и цели	.08	-.04	.69	.15	-.00	0,79	0,23	0,10	0,19	0,00
Принятие и поддержка друзей (Peer Acceptance and Support (PAS))										
27. Мои друзья принимают меня таким, какой я есть	.01	.03	-.02	.78	.06	0,02	0,28	0,22	0,62	0,12
5. Мои друзья рядом, когда у меня проблемы	-.02	-.01	.06	.78	-.03	0,22	0,10	0,05	0,86	0,12
22. Если у меня возникнет проблема, я могу рассчитывать на помощь своих друзей	.13	.01	-.02	.71	-.02	0,21	0,12	0,13	0,88	0,01
10. Мои друзья много обо мне заботятся	-.00	.04	.09	.69	.07	0,25	0,12	0,04	0,82	0,15
6. Я чувствую себя любимым и понятым моими близкими друзьями	.05	.05	.10	.58	.04	0,39	0,14	-0,03	0,73	0,19
16. Я верю в то, что мои друзья, когда я с ними, дорожат мной	.11	.13	-.04	.50	.15	0,31	0,23	0,08	0,80	0,09
Самопринятие (Self-Acceptance (SA))										
9. Я нравлюсь себе таким, какой я есть	.05	.01	-.02	-.03	.85	0,20	0,19	0,05	0,10	0,82
18. Я полагаю, что я — хороший человек	.06	.03	.03	-.10	.83	0,15	0,40	0,09	-0,07	0,53
31. Я доволен собой	-.05	.03	.05	.08	.79	0,15	0,30	0,18	0,20	0,77
29. Я чувствую хорошее в себе	-.12	.05	.13	.09	.76	0,18	0,51	0,10	0,05	0,52
14. Я доволен собой	.18	.01	-.04	.02	.72	0,23	0,13	0,13	0,25	0,81
3. Я принимаю себя таким, какой я есть	0,00	-.05	.06	.24	.60	0,10	0,08	0,08	0,10	0,88
Корреляции факторов										
Factor 1	1.00					1,00				
Factor 2	.47	1.00				0,44	1,00			
Factor 3	.63	.49	1.00			0,24	0,28	1,00		
Factor 4	.54	.44	.57	1.00		0,53	0,44	0,24	1,00	
Factor 5	.62	.42	.57	.54	1.00	0,43	0,51	0,3	0,37	1,00
Суммарные доли дисперсии факторных решений:				64,5%					71,2%	

Примечание. Выделены факторные нагрузки, превышающие 0,45.

2. Надежность шкал подросткового опросника «Причины для жизни» (США 1998 г. – Россия 2017 г.)

В табл. 2 представлены результаты американского и российского исследования надежности по внутренней согласованности шкал опросника RFL-A А. Османа и М. Линихэн.

Как оригинальная американская, так и русскоязычная выборка показывают высокую надежность и внутреннюю согласованность пунктов опросника в границах «своих» шкал. Наибольшей согласованностью отличаются шкалы «Семейный союз» и агрегированная шкала RFL-A, которая объединяет и резонирует приведенные в опроснике «Причины для жизни». Очевидно, ее можно охарактеризовать как шкалу «Жизнеутверждение».

Вновь обращаем внимание на то, что шкала «Семейный союз» у российских подростков отличается не только наибольшим факторным весом, но и внутренней согласованностью, что подчеркивает возможности семейных ресурсов в профилактике суицидального поведения.

В целом же российская адаптация опросника «Причины для жизни» (подростковый вариант) позволяет получить следующие диагностические шкалы, аналогичные американскому варианту:

1. «Семейный союз». Шкала образована 7 пунктами и характеризует значимость семейных

связей и ценностей, эффективность семейных копинг-стратегий как наиболее существенный для российской выборки подростков ресурс антисуицидальных мотивов.

2. «Оптимизм восприятия будущего». Шкала образована 7 пунктами. Характеризует общий интерес к жизни, меру позитивного отношения к себе и своим планам на будущее.

3. «Страх совершения суицида». Шкала образована 6 пунктами, которые способствуют осознанию отношения к суициду на фоне актуализации негативных эмоциональных состояний при возникновении суицидальных мыслей и образов.

4. «Принятие и поддержка со стороны друзей». Шкала образована 6 пунктами, характеризует существенный для подростковой выборки ресурс совладания с суицидальными мыслями и переживаниями.

5. «Самопринятие». Шкала образована 6 пунктами. Характеризует меру самопринятия и позитивного отношения к себе в настоящий момент.

6. «Жизнеутверждение» — суммарная, агрегированная шкала опросника «Причины для жизни». Нарастание значений по шкале характеризует общий уровень отсутствия суицидальных мотивов и настроения. Наиболее информативна (среди других шкал опросника) для скрининговых обследований суицидальных рисков подростков [12].

Таблица 2. Индексы надежности по внутренней согласованности подросткового опросника «Причины для жизни» (RFL-A)

№	Шкалы опросника	Cronbach's alpha	Split half reliability	Average Inter-Item Correlation
1	Оптимистичное будущее (FO)	0,91 (0,940)	0,91	0,59
2	Страх суицида (SRC)	0,86 (0,94)	0,87	0,51
3	Семейный союз (FA)	0,95 (0,95)	0,95	0,73
4	Поддержка друзьями (PAS)	0,92 (0,92)	0,93	0,68
5	Самопринятие (SA)	0,90 (0,95)	0,89	0,60
6	Общая шкала RFL-A	0,94 (0,95)	0,97	0,34

Примечание. В скобках указаны альфа-коэффициенты, полученные на американской выборке, в остальных случаях приводятся коэффициенты, полученные на русскоязычной выборке n = 143.

3. Описательная статистика по шкалам подросткового опросника «Причины для жизни»

Средние значения и дисперсии по шкалам опросника в американской и российской выборках также сопоставимы, что позволяет использовать

представленные статистики как медианные нормы. Естественно, российская выборка показывает определенные отличия, прежде всего в мужской ее части. «Женская статистика» в американском и мужском вариантах по шкалам опросника имеет наибольшее сходство.

Таблица 3. Средние значения и стандартные отклонения по шкалам опросника в американской и российской выборках

Шкалы опросника	США, RFL-A, Осман, 1998 г.						Российская адаптация, 2017 г.					
	Мальчики (n = 340)		Девочки (n = 354)		Всего наблюдений (n = 654)		Мальчики (n = 40)		Девочки (n = 103)		Всего наблюдений (n = 143)	
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD
Оптимистичное будущее (FO)	5,07	1,04	4,93	0,98	4,99	1,01	4,46	0,95	4,81	0,63	4,71	0,75
Страх суицида (SRC)	4,23	1,63	4,38	1,49	4,32	1,56	4,89	1,05	5,11	0,77	5,05	0,86
Семейный союз (FA)	4,80	1,19	4,76	1,13	4,78	1,16	4,63	1,05	4,82	0,90	4,77	0,94
Поддержка друзьями (PAS)	4,84	1,05	4,82	0,96	4,83	1,00	4,27	1,25	4,93	1,15	4,75	1,21
Самопринятие (SA)	4,83	1,13	4,60	1,09	4,71	1,11	4,09	1,28	4,67	1,05	4,51	1,15
Суммарная шкала (RFL-A)	4,77	0,98	4,71	0,87	4,74	0,92	4,43	1,24	4,53	1,01	4,50	1,07

Распределение по шкалам опросника в российской адаптации также имеет сходство с американским оригиналом. Все шкалы в той или иной мере имеют левостороннюю асимметрию, т.е. респонденты отдают явное предпочтение значимости каждой из формулировок опросника, каждой причине жизни.

При этом по шкалам «Оптимизм по отношению к будущему» и «Семейный союз» распределение в российской выборке экспоненциальное; по шкале «Страх суицида» и агрегированной шкале «Жизнеутверждение» — близко к нормальному. На рисунке приведен график распределения оценок в общей выборке 143 российских подростков по суммарной шкале «Жизнеутверждение».

Выводы

1. На предварительном этапе русскоязычной адаптации подросткового опросника А. Османа, М. Линихэн «Причины для жизни» отмечена высокая устойчивость факторно-аналитической структуры взаимосвязей пунктов опросника к национальным особенностям отношения к суициду, особенностям социально-экономического развития, по отношению к фактору времени (1998 и 2017 гг.), а также по отношению к фактору процедуры обследования (карандаш-бумага и онлайн-тестирование): российский вариант по структуре полностью соответствует американскому оригиналу.

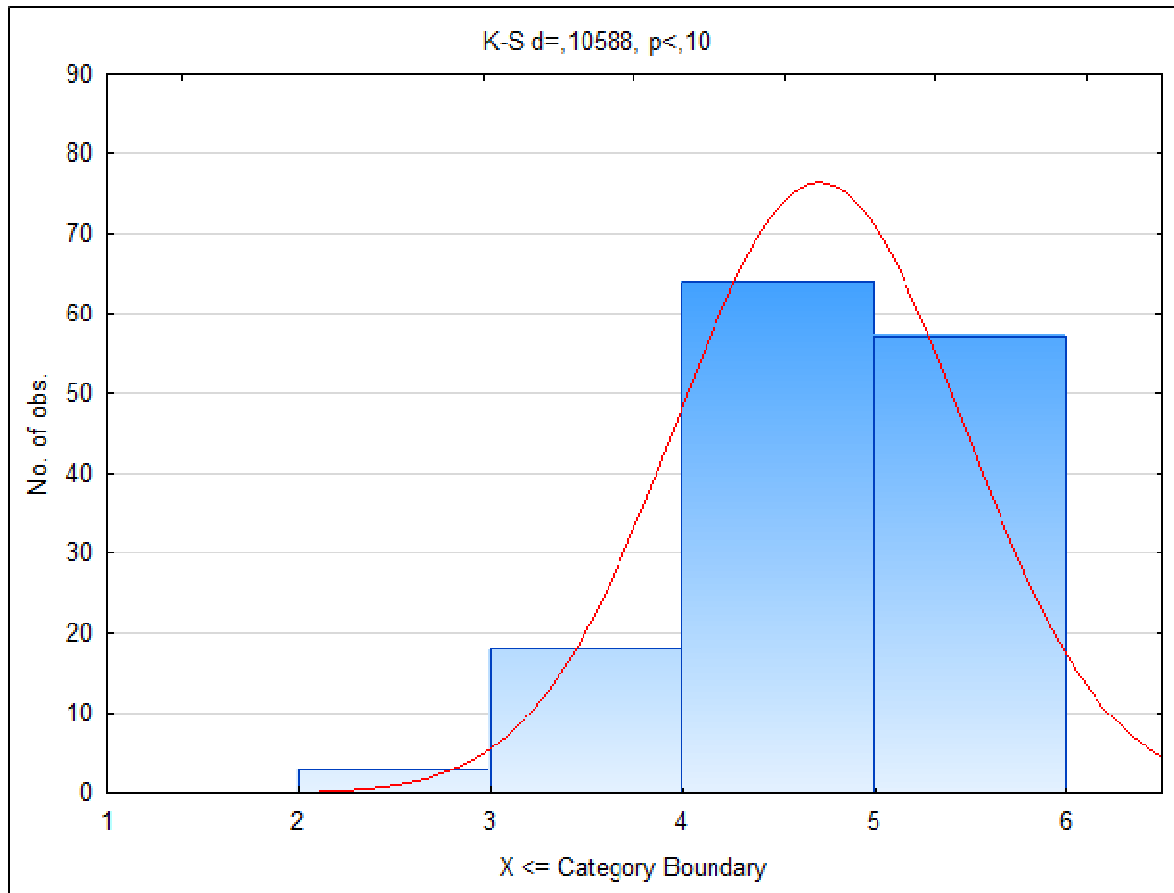
2. В русскоязычной выборке предпочтительной, более достоверной и наиболее соответствующей результатам, опубликованным А. Османом, М. Линехан в 1998 г. [12], на данном этапе адаптации опросника оказалась процедура онлайн-тестирования респондентов, проведенная в социальных сетях. Такая картина, на наш взгляд, соответствует современной ситуации развития суицидальных рисков и возможностей их профилактики. При заполнении бланков непосредственно в школе отношение к нему у девочек оказалось более серьезным, а значительная часть мужских бланков была отбракована, что сказалось на половой структуре общей выборки. В онлайн-обследовании резких половых различий в ходе процедуры обследования не наблюдалось. Впрочем, выявление влияния фактора организации диагностического обследования (онлайн-тестирование или тестирование в непосредственном контакте с респондентами) требует отдельного исследования.

3. Надежность по внутренней согласованности шкал российской адаптации подросткового опросника «Причины для жизни» значительно превышает пороговые значения и в целом соответствует американским психометрическим исследованиям.

4. Наибольшей согласованностью и наибольшим весом в факторной структуре опросника отличается шкала «Семейный союз». В России этот

фактор по значимости, в отличие от американской выборки, абсолютно лидирует. Возможно, это объясняется большей значимостью семейных связей и

большей результативностью семейных копинг-стратегий россиян по сравнению с американцами.

Распределение ответов респондентов по шкале «Жизнеутверждение»
(русская выборка, $n = 143$)

Примечание: KS d — коэффициент d, по Колмогорову-Смирнову; p — вероятность ошибки гипотезы о различиях эмпирического и теоретического (в данном случае нормального) распределения; $X \leq \text{Category Boundary}$ — интервалы значений 143 российских участников по агрегированной шкале «Жизнеутверждение»; No.of obs. — число наблюдаемых случаев для определенных значений шкалы «Жизнеутверждение».

В целом уже на данном, предварительном, этапе русскоязычной адаптации опросника «Причины для жизни» А. Османа, М. Линихэн получены психометрические характеристики, достаточные для его использования не только в научных исследованиях, но и в скрининговых обследованиях суицидального риска.

Вместе с тем необходима дальнейшая работа по адаптации опросника, предполагающая значительное расширение выборки участников, в том числе за счет подростков, имеющих суицидальные попытки или явные суицидальные намерения. Необходима балансировка выборки стандартизации по полу участников. Предполагается изучение конфирматорной структуры пунктов опросника, оценка устойчивости его факторной структуры, расчет индексов дискриминативности

и статистических норм в одной из удобных стандартизованных шкал.

Список литературы

1. *Самоубийство*: Информационный бюллетень ВОЗ. Март 2017. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs398/ru> (дата обращения: 16.06.2017).
2. Ellis J.B., Lamis D.A. Adaptive characteristics and suicidal behavior: a gender comparison of young adults // *Death Studies*. 2007. Vol. 31, iss. 9. P. 845–854.
3. Evans E., Hawton K., Rodham K. Factors associated with suicidal phenomena in adolescents: a systematic review of population-based studies // *Clinical psychology review*. 2004. Vol. 24, no. 8. P. 957–979.

4. Tishler C.L., Reiss N.S., Rhodes A.R. Suicidal behavior in children younger than twelve: a diagnostic challenge for emergency department personnel // *Academic Emergency Medicine*. 2007. Vol. 14, iss. 9. P. 810–818.
5. Социально-экономическое положение Пермского края за январь–декабрь 2016 года: Доклад. Официальное издание. Пермь, 2016. URL: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/publications/official_publications/electronic_versions/6a8d99004ffed0398da7af1064aaefc4 (дата обращения: 16.06.2017).
6. Лукашук А.В., Байкова М.А. Современный взгляд на проблему подростковых суицидов // *Здравоохранение Югры: опыт и инновации*. 2016. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-vzglyad-na-problemu-podrostkovykh-suitsidov> (дата обращения: 16.06.2017).
7. Банников Г.С., Павлова Т.С., Вихристук О.В. Скрининговая диагностика антивитаальных переживаний и склонности к импульсивному, аутоагрессивному поведению у подростков (предварительные результаты) // *Психологическая наука и образование*. 2014. № 1. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/1/Bannikov_Pavlova.phtml (дата обращения: 17.06.2017).
8. Павлова Т.С. Диагностика риска суицидального поведения детей и подростков в образовательных учреждениях // *Современная зарубежная психология*. 2013. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2013/n4/65490.shtml> (дата обращения: 15.06.2017).
9. Шмачилина-Цибенко С.В. Проблемы и ресурсные возможности организации профилактической работы с детьми и подростками, склонными к суицидальному поведению, в школе // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 8. С. 187–191.
10. Епанчинцева Г.А., Козловская Т.Н. Методологические, теоретические, методические основания скрининговых исследований суицидальных намерений подростков // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 10, ч. 9. С. 2085–2089.
11. Osman A. et al. The Reasons for Living Inventory for Adolescents (RFL-A): Development and psychometric properties // *Journal of Clinical Psychology*. 1996. № 54. P. 1063–1078.
12. Osman A. et al. The RFL for adolescents (RFL-A): development and psychometric properties // *Journal of Clinical Psychology*. 1998. Vol. 54(8). P. 1063–1078.
13. Алимova М.А. Суицидальное поведение подростков: диагностика, профилактика, коррекция. Барнаул, 2014. 100 с.
14. Лабиринты одиночества: пер. с англ. / сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. 624 с.
15. Руженкова В.В., Руженков В.А. Суицидальное поведение в подростковом и юношеском возрасте // *Научные ведомости БелГУ. Серия: Медицина. Фармация*. 2011. № 22(117). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/suitsidalnoe-povedenie-v-podrostkovom-i-yunosheskom-vozraste> (дата обращения: 16.06.2017).
16. Синягин Ю.В., Синягина Н.Ю. Детский суицид: психологический взгляд. СПб.: КАРО, 2006. 176 с.
17. Диагностика личности / сост. Т.Н. Разуваева. Шадринск: Исеть, 1993. 26 с.
18. Зотов М.В., Щелкова О.Ю. Системно-ситуационный подход к прогнозированию риска поведенческих расстройств // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Психология. 2011. № 29(246). С. 24–34.
19. Зотов М.В., Петрукович В.М., Сысоев В.Н. Сигнал: Методика экспресс-диагностики суицидального риска: метод. руководство. СПб.: Импакт, 2003. 17 с.
20. Linehan M.M., Goodstein J.L., Nielsen S.L., Chiles J.A. Reasons for staying alive when you are thinking of killing yourself: The Reasons for Living Inventory // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1983. Apr. Vol. 51(2). P. 276–286.
21. Филатова О.В., Литвинова Н.Ю., Винарчик Е.А. Современные методы психологической диагностики: практикум / Владимир. гос. ун-т. Владимир: Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2011. 296 с.

Получено 29.06.2017

References

1. Samoubiistvo: Informatsionnyi byulleten' VOZ. Mart 2017 [Suicide: Newsletter of WHO. March 2017]. Available at: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs398/ru/> (accessed 16.06.2017). (In Russian).
2. Ellis J.B., Lamis D.A. Adaptive characteristics and suicidal behavior: a gender comparison of young adults. *Death Studies*. 2007, vol. 31, iss. 9, pp. 845–854. (In English).
3. Evans E., Hawton K., Rodham K. Factors associated with suicidal phenomena in adolescents: a systematic review of population-based studies. *Clinical psychology review*. 2004, vol. 24, no. 8, pp. 957–979. (In English).
4. Tishler C.L., Reiss N.S., Rhodes A.R. Suicidal behavior in children younger than twelve: a diagnostic challenge for emergency department personnel. *Academic Emergency Medicine*. 2007, vol. 14, iss. 9, pp. 810–818. (In English).
5. Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Permskogo kraia za yanvar'–dekabr' 2016 goda: Doklad. Perm', 2016 [Economic and social situation of

- Perm Krai for January–December, 2016]. Available at: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/publications/official_publications/electronic_versions/6a8d99004ffed0398da7af1064aaefc4 (accessed 16.06.2017). (In Russian).
6. Lukashuk A.V., Baikova M.A. *Sovremennyi vzglyad na problemu podrostkovykh suitsidov* [The modern view on a problem of adolescents suicides]. *Zdravookhranenie Yugry: opyt i innovatsii* [Health care of Yugra: experience and innovations]. 2016, no. 2. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-vzglyad-na-problemu-podrostkovykh-suitsidov> (accessed 16.06.2017). (In Russian).
7. Bannikov G.S., Pavlova T.S., Vikhristyuk O.V. *Skriningovaya diagnostika antivital'nykh pe-rezhivaniy i sklonnosti k impul'sivnomu, autoagres-sivnomu povedeniyu u podrostkov (predvaritel'nye rezul'taty)* [Screening diagnostics of antivital experiences and propensity to impulsive, autoaggressive behavior in adolescents (preliminary results)]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. 2014, no. 1. Available at: http://psyedu.ru/journal/2014/1/Bannikov_Pavlova.phtml (accessed 17.06.2017). (In Russian).
8. Pavlova T.S. *Diagnostika riska suitsidal'nogo povedeniya detei i podrostkov v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh* [Diagnosis of the risk of suicidal behavior in children and adolescents in educational institutions]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern foreign psychology]. 2013, no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/jmfp/2013/n4/65490.shtml> (accessed 15.06.2017). (In Russian).
9. Shmachilina-Tsibenko S.V. *Teoriya i praktika ob-shchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. *Problemy i resursnye vozmozhnosti organizatsii profilakticheskoi raboty s det'mi i podrostkami, sklonnymi k suitsidal'nomu povedeniyu, v shkole* [Problems and resource opportunities of the organization of scheduled maintenance with the children and teenagers inclined to suicide behavior at school]. 2015, no. 8, pp. 187–191. (In Russian).
10. Epanchintseva G.A., Kozlovskaya T.N. *Metodologicheskie, teoreticheskie, metodicheskie osnovaniya skringovykh issledovaniy suitsidal'nykh namereniy podrostkov* [Methodological, theoretical, methodical bases of screening researches of suicide intentions of adolescents]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Basic research]. 2013, no. 10, part 9, pp. 2085–2089. (In Russian).
11. Osman A. et al. The Reasons for Living Inventory for Adolescents (RFL–A): Development and psychometric properties. *Journal of Clinical Psychology*. 1996, no. 54, pp. 1063–1078. (In English).
12. Osman A. et al. The RFL for adolescents (RFL–A): development and psychometric properties. *Journal of Clinical Psychology*. 1998, no. 54(8), pp. 1063–1078. (In English).
13. Alimova M.A. *Suitsidal'noe povedenie podrostkov: diagnostika, profilaktika, korrektsiya* [Suicidal behavior of adolescents: diagnosis, prevention, correction]. Barnaul, 2014, 100 p. (In Russian).
14. Pokrovskii N.E. *Labirinty odinochestva* [Labyrinths of loneliness]. Moscow, Progress Publ., 1989, 624 p. (In Russian).
15. Ruzhenkova V.V., Ruzhenkov V.A. *Suitsidal'noe povedenie v podrostkovom i yunosheskom vozraste* [Suicide behavior at teenage and youthful age]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Meditsina. Farmatsiya* [Scientific sheets of BELGU. Series: Medicine. Pharmaceuticals]. 2011, no. 22(117). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/suitsidalnoe-povedenie-v-podrostkovom-i-yunosheskom-vozraste> (accessed 16.06.2017). (In Russian).
16. Sinyagin Yu.V., Sinyagina N.Yu. *Detskii suitsid: psikhologicheskii vzglyad* [Children's suicide: psychological look]. St. Petersburg, KARO Publ., 2006, 176 p. (In Russian).
17. Razuvaeva T.N. *Diagnostika lichnosti* [Diagnostics of the person]. Shadrinsk, Iset' Publ., 1993, 26 p. (In Russian).
18. Zotov M.V., Shchelkova O.Yu. *Sistemno-situatsionnyi podkhod k prognozirovaniyu riska povedencheskikh rasstroystv* [Systemic and situational approach to prediction of risk of behavioural frustration]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Vestnik of South Ural State University. Series: Psychology]. 2011, no. 29(246), pp. 24–34. (In Russian).
19. Zotov M.V., Petrukovich V.M., Sysoev V.N. *Signal: Metodika ekspress-diagnosticski suitsidal'nogo riska. Metodicheskoe rukovodstvo* [Signal: Technique of express diagnostics of suicide risk. Methodical guide]. St. Petersburg, Imaton Publ., 2003, 17 p. (In Russian).
20. Linehan M.M., Goodstein J.L., Nielsen S.L., Chiles J.A. Reasons for staying alive when you are thinking of killing yourself: The Reasons for Living Inventory. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1983, vol. 51(2), pp. 276–286. (In English).
21. Filatova O.V., Litvinova N.Yu., Vinarchik E.A. *Sovremennye metody psikhologicheskoi diagnostiki: praktikum* [The modern methods of psychological diagnostics: practical work]. Vladimir, Vladimir State University Publ., 2011, 296 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 29.06.2017

Об авторах

Волочков Андрей Александрович

доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой практической психологии

Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: volochkov57@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5165-961X

Левченко Дарья Викторовна

бакалавр факультета психологии

Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: DariaSheina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0281-2841

About the authors

Volochkov Andrey Alexandrovich

Doctor of Psychology, Professor,
Head of the Department of Practical Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaia str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: volochkov57@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5165-961X

Levchenko Darya Viktorovna

Bachelor of the Faculty of Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaia str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: DariaSheina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0281-2841

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Волочков А.А., Левченко Д.В. Предварительная адаптация подростковой версии опросника «Причины для жизни» А. Османа и М. Линихэн // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 396–408. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-396-408

Please cite this article in English as:

Volochkov A.A., Levchenko D.V. Preliminary adaptation of the Osman–Linehan «Reasons for living» inventory (adolescent version) // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 3. P. 396–408. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-396-408